

Александр и Елена Ольшанские

КРАСОЧНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Александр Ольшанский
Ясна Ольшанская
Красочный детектив
Серия «СМУФ», книга 1

<https://litres.ru/73851036>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настоящее детективное расследование команды СМУФ для тех, кто любит смеяться, верить в чудеса и хочет узнать больше о мировом изобразительном искусстве.

Команда СМУФ не ищет лёгких путей! Они задействуют все ресурсы: хронопрыжки с помощью нео-скейта, чтобы разоблачить банду, подделывающую шедевры живописи. Читатель вместе с командой встретится с лучшими художниками всех времён.

Идеально для чтения перед сном, в дороге или когда хочется улыбнуться.

Книга входит в «Коллекцию приключений команды СМУФ». Авторский тандем призывает возродить традицию семейного чтения. Эта серия для всех возрастов!

Юмор, приключения, тайны истории, наук, искусств, видов деятельности. Ярко, остроумно, без назиданий. Можно читать с любой книги, каждая – законченная история, тему которой легко понять по названию и картинкам на обложке.

«Если моё чадо прочтет хоть пару книг про команду СМУФ, он вырастет хорошим человеком!» – сказал на днях один академик.

Часть рисунков серии создана при помощи GPT image 2.

Содержание

Глава 1. Сигнал из прошлого	5
Глава 2. Мастерская гения	21
Глава 3. Секрет красок	31
Глава 4. Возвращение и неожиданность	46
Глава 5. План действий	58
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Красочный детектив

Глава 1. Сигнал из прошлого

Лаборатория «Планетарных проблем» пряталась так далеко в забайкальских сопках, что даже самые любопытные сороки понятия не имели о её существовании. Снаружи это было ничем не примечательное, похожее на бункер сооружение, обсыпанное землёй и заросшее багульником. Но внутри... Внутри это был рай для любого учёного и самое любимое место на Земле для трёх неразлучных друзей.

В этот день скучать не приходилось. Воздух гудел от энергии, пахло озоном, жжёной сметанкой и чем-то металлическим. В центре просторного зала, заставленного голографическими экранами и приборами с мигающими лампочками, парил в лучах синеватого прожектора главный герой предстоящих событий — скейт-трансформер Футя. Его полированный корпус отсвечивал матовым блеском, а по краям чуть слышно потрескивали и искрились усиленные пластины хроноблока.

Рядом, уложившись в идеальную стойку на своём верном скейте, кружила Черепаха Сиф. Её маленькая, обтекаемая фигурка в защитном шлеме с рисунком пламени была во-

площением стремительности и концентрации. Она виртуозно обводила стопки книг, колбы с зелёными жидкостями и ящики с деталями, которые аккуратно, словно драгоценности, расставлял по полкам учёный енот Энштейнище.

— Ух! Кажется, я поймала баланс между гравитацией и безумием! — весело выкрикнула Сиф, выполняя сложный трюк с переворотом. Скейт послушно взмыл в воздух, описал дугу и с тихим щелчком приземлился прямо перед носом у ворона Монетки.

Моня, как звали его друзья, в этот момент был погружён в своё любимое занятие — философское созерцание и ворчание. Он сидел на подвесной перекладине, похожей на турник, и с высоты своего насеста скептически наблюдал за суетой. Его блестящее чёрное оперение было взъерошено, а в глазах стояла привычная меланхолия.

— Баланс, говоришь? — проворчал он, каркая. — Это ты о том, как мы балансируем на грани тотального уничтожения всякий раз, когда этот консервный ящик с проводами решает поиграть в чехарду со временем? О, да! Я чувствую, мои перья уже начинают сесть от предвкушения. Опять нас швырнёт в какую-нибудь эпоху, где пахнет щами и нечистотами. Прекрасно. Просто великолепно. Я обожаю сюрпризы. Особенно те, что на несколько веков назад.

Снизу, из-под низкого столика, донёлся весёлый, слегка шипящий голосок:

— А мне нравится! Это же так познавательно! В прошлый раз мы видели настоящих динозавров! Ну, почти настоящих.

Это был Ужастик. Милый уж в полосатой шапочке с пом-поном, который вечно запутывался во всём, что попадалось на пути. Сейчас он уютно устроился клубком на полу у тёплого системного блока и гордо посматривал на всех по очереди. Пространство вокруг него было завалено кисточками и тюбиками с краской. Ужастик, вымазанный в синей и жёлтой краске взглянул на свой абстрактный рисунок.

— Грандиозно у меня получилось! Бездарность так не сможет! — вспыхнул Ужастик, сердито подёргивая хвостом, от чего по полу пошли синие кляксы.

— Но ты же смог. Значит бездарность так может, — парировал Монетка, весело поблёскивая своими глазками-бусинками и критически рассматривая полотно с безопасной высоты стеллажа. — В самом что ни на есть искусствоведческом смысле. Это же чистый абстракционизм, наследник Кандинского и Малевича! Гордись собой! Ты не рисовал, ты выражал внутренние вибрации вселенной!

— Сиф, ты слышишь, что он говорит? — возмутился уж

и с обидой поправил свой беретик, съехавший набок от возмущения.

— Да он же с любовью, Ужастик, — примирительно заметила Сиф, оттирая лапой пятно акрила с панциря. — Разве не знал? «Бездарность» — слово-то в авангардных кругах почтенное! Оно значит «свободный от оков устаревшей академической школы», «гений, не признанный мещанским обществом»! Ван Гога тоже современники бездарностью звали, а теперь его подсолнухи — национальное достояние!

— Неужели? — Ужастик немного остыл, с новым интересом разглядывая свои кляксы. — Свободный от оков... А это... это лестно. Ну, ладно. Прощаю.

— Безмерно тронут твоей милостью, о гений строптивый и непризнанный! — состроил серьёзную физиономию Монетка и взмыл на полку с колбами, давая понять, что тема исчерпана.

— Да, кстати, о динозаврах! — Вспомнил Моня. — Вы называете это познавательным? Я чуть не лишился единственного здорового пера, спасаясь от того пернатого... то есть, чешуйчатого... в общем, чудища! И мой завтрак был безнадежно испорчен. Я до сих пор не могу смотреть на жареных червей без содрогания.

— Успокойся, Монечка, — Сиф соскочила со скейта и хлопала ворона по спине. — Энштейнище всё продумал. На этот раз хроноблок почти не шумит и не дымит. Совсем. Ну,

почти. Смотри, Монетка!

Она указала на Футю. Скейт действительно парил ровно и величественно, лишь изредка издавая мелодичное посвистывание, словно заряжаясь от самой атмосферы лаборатории.

Учёный енот Энштейнище, чья роскошная полосатая шуба, точнее синий халат поверх неё, — был украшен несколькими карманами, набитыми инструментами, удовлетворённо кивнул, поправляя очки на носу.

— Юный Монетка прав в своей озабоченности, но лишь отчасти! — провозгласил он, размахивая отвёрткой. — Процесс темпоральной навигации сопряжён с известной долей... э-э-э... непредсказуемости! Это как есть вишнёвый пирог: в основном наслаждение, но можно и косточкой подавиться. Однако на сей раз я внедрил ряд гениальных усовершенствований! Стабилизатор квантового потока, усилитель обратной связи и... — он понизил голос до таинственного шёпота, — ...секретный ингредиент — капля сиропа от моей бабушки. Для эластичности временного континуума.

Моня только закатил глаза и вздохнул.

Внезапно тишину лаборатории разрезал резкий, тревожный сигнал. Голографические экраны, до этого показывавшие схемы и формулы, вспыхнули алым светом. В центре зала возникло мерцающее изображение. Это была Алиса, мо-

лодая учёная с тёплыми, но сейчас полными тревоги глазами. Рядом с ней, вцепившись в сестрину руку, стояла её младшая сестрёнка Урсула. Десятилетняя девочка выглядела так, будто только что плакала.

— Команда СМУФ, вы нас слышите? — голос Алисы звучал напряжённо, с лёгкой дрожью. — У нас чрезвычайная ситуация. Мы только что вернулись с выставки. В Забайкалье, впервые за историю нашего региона, приехала передвижная галерея мировых шедевров. Это было грандиозное событие.

Урсула кивнула, и её голосок, ещё тонкий от расстройств, подхватил:

— Там были такие красивые картины! Все ходили и ахали. А одна... одна картина была самая красивая. «Девушка с жемчужной серёжкой». Она такая светлая, такая загадочная... Мы с сестрой стояли перед ней почти час.

Алиса положила руку на плечо сестре, продолжая:

— Да, это работа Яна Вермеера. И всё было прекрасно, пока к выставке не подключились эксперты по искусству. Они проводят обязательную предпродажную проверку... — она сделала паузу, и по её лицу было видно, как ей тяжело произнести следующее. — И сегодня утром они объявили: та самая, самая ценная картина выставки — подделка. Ис-

кусная, практически безупречная, но... подделка.

В лаборатории воцарилась гробовая тишина. Даже Монетка перестал ворчать и настороженно наклонил голову. Сиф замерла, широко раскрыв глаза. Ужастик бессознательно сжался в тугой узелок.

— Скандал ужасный, — продолжила Алиса. — Галерея на грани закрытия, организаторы в отчаянии, люди чувствуют себя обманутыми. Но дело не только в этом. Подделка мировых шедевров — это как болезнь, которая разъедает доверие к искусству, к истории. Это воровство не денег, а красоты и правды. И этот случай — не первый. Похожие слухи ходили и раньше, но доказательств не было. А теперь... теперь мы знаем, что где-то есть преступник, гений обмана, который способен на такое.

Урсула всхлипнула.

— Он испортил всё самое красивое...

— Мы не можем позволить этому продолжаться, — твёрдо сказала Алиса, и её голос вновь приобрёл силу. — И мы думаем... мы надеемся, что только вы, команда СМУФ, можете помочь. Ваше умение путешествовать во времени, ваша смекалка... Вы можете сделать то, что не под силу ни одному сыщику в настоящем: отправиться в прошлое, к самим великим мастерам. Узнать из первых уст их секреты, их от-

ношение к подделкам. Возможно, они сами подскажут, как разоблачить фальшивки.

Сиф первая пришла в себя. Её глаза загорелись азартным огнём.

— Конечно! Мы найдём этого мошенника! Мы ему покажем! Я лично проедусь по его краскам на своём скейте!

— Подожди, шустрик, — снова заворчал Моня, но уже без прежнего пессимизма. — Опять в прошлое? А меню там хотя бы разнообразное? Или опять припасы на три века вперёд брать?

Энштейнище в это время уже бегал вокруг Фути, поворачивая какие-то регуляторы на хроноблоке.

— Задача ясна! Прямое поручение от куратора! Требуется немедленная темпоральная инъекция в точку возникновения художественного феномена! — Он что-то пробормотал себе под нос, что-то прикидывая. — Вермеер... XVII век... Голландия... Влажно. Очень влажно. Нужно будет взять непромокаемый плащ. И для Монетки — что-нибудь для профилактики ревматизма.

— Для меня? — удивился ворон. — О, как мило! Значит,

вы всё-таки заботитесь о моём самочувствии?

— Конечно! — бодро ответил енот. — Твоё ворчание — важный компонент для стабилизации морального духа команды. Без него наши путешествия были бы слишком безоблачными!.. Или всё-таки начать не с Вермеера, а раньше?

— В смысле? — Поинтересовалась Сиф.

— Леонардо да Винчи жил раньше Яна Вермеера, и, пожалуй, начнём с него, — авторитетно заключил Энштейнище, поправляя очки. — Разница в сто шестьдесят три года! Патриарх живописи — вперёд.

— Согласна, — кивнула Алиса. — Именно Леонардо перевёл живопись на новую ступень. Он первым осознанно применил сфумато — ту самую дымку, которая смягчает линии и превращает краски в дыхание. И называл искусство высшей формой познания.

— А ещё он был убеждён, что живопись — это наука, — добавила Урсула, сверившись с планшетом. — Главный инструмент, чтобы разглядеть мир. Интернет, конечно, врёт иногда, но не каждый день.

Тем временем голограмма Алисы и Урсулы начала мерцать и распадаться на пиксели.

— Связь прерывается... — сказала Алиса. — Будьте осторожны! И... спасибо. Мы верим в вас.

Изображение погасло. В лаборатории снова загорелся обычный свет, но напряжение никуда не делось. Оно витало в воздухе, смешиваясь с запахом озона и решимостью.

— Ну что, команда? — Сиф прыгнула на свой скейт и приняла уверенную позу. — Готовы к новому приключению? На этот раз мы будем детективами! Великолепными детективами!

Ужастик радостно зашипел, распутываясь из клубка.

— Я всегда мечтал кого-нибудь выслеживать! Буду подползать тихо-тихо, как настоящий шпион!

Монетка тяжело вздохнул, спрыгнул с перекладины и неуклюже приземлился на ближайший стол, звякнув о какую-то металлическую деталь.

— Ладно, ладно. Только давайте договоримся: на этот раз без динозавров. И если мы увидим кого-то с кистями и красками, сначала спросим, не подаст ли он нам завтрак. А потом уже будем задавать вопросы об искусстве.

Энштейнище закончил последние приготовления. Хроноблок на Футе загудел громче. Пластины на его корпусе разо-

шлись, обнажив сложную сеть светящихся кристаллов и проводков. Воздух вокруг скейта затрепетал, как воздух над раскалённым асфальтом.

— Настройка завершена! — объявил учёный енот. — Цель: Италия, окрестности города Винчи, конец XV века от Рождества Христова. Объект для контакта: мессэр Леонардо. Внимание, садимся и пристёгиваемся! Ну, или цепляемся покрепче, у кого нет ремней!

Сиф крепче встала на скейт. Ужастик обвился вокруг её шеи, как живой шарф. Монетка нехотя перелетел и устроился у неё на спине, вцепившись когтями в панцирь.

— Винчи... — прошептала Сиф. — Это же...

— Да, — подтвердил Энштейнище, отходя подальше и доставая какой-то пульт. — Мы отправляемся к самому Леонардо да Винчи. Надеюсь, он не слишком занят. По имеющимся у меня данным, в этот период он как раз активно интересуется живописью. Или анатомией. Или полётами. Или устройством водяных мельниц. В общем, он всегда чем-то занят. Удачи!

Он нажал на пульте большую красную кнопку.

Лаборатория взорвалась светом. Вернее, она не взорвалась, а будто бы схлопнулась, утягиваемая в яркую, ослепи-

тельную точку в центре хроноблока Фути. В ушах зазвенело, мир перекосило, превратившись в калейдоскоп мелькающих образов: звёздное небо, бегущие облака, лики городов и лиц, которые рождались и рассыпались в пыль за долю секунды. Их швыряло и крутило в вихре времени.

— Я передум-а-а-а-а-а-ал! — донёсся на все времена и эпохи отчаянный крик Монетки.

Сиф лишь стиснула зубы и крепче держалась за скейт, чувствуя, как Футя вибрирует у неё под ногами, послушный и мощный. Она любила эту секунду свободного падения сквозь века.

И так же внезапно, как началось, всё закончилось.

Свет погас. Звон в ушах стих. Их выбросило из временной воронки, и они мягко, почти бесшумно, приземлились на покрытую пылью и щебнем землю.

Первый, что они почувствовали, — запах. Сладковатый запах оливковых деревьев, сухой травы, известняка и... чего-то ещё. Чего-то творческого. Возможно, запах красок. А ещё древесной пыли и старого камня.

Они оказались на небольшой возвышенности. Внизу, в до-

лине, раскинулся маленький, прилепившийся к склону горы городок с черепичными крышами и мощной крепостной башней. Воздух был прозрачным и звенящим, а солнце, уже клонящееся к закату, заливало всё вокруг тёплым, золотистым светом. Где-то вдали позвякивал колокол, доносился лай собак и крики торговцев.

— Мы... мы приземлились? — неуверенно спросил Ужастик, разжимая свои кольца с шеи Сиф.

— Если это не рай для воронов, полный блестящих безделушек, значит, приземлились, — пробормотал Моня, с трудом отлепляя когти от панциря черепахи. Он огляделся. — Хм... Никаких динозавров. Уже неплохо. Но и никакой еды тоже не видно. Прогресс, однако.

Сиф соскочила с Фути и осмотрелась. Её острый взгляд сразу выхватил детали: тропинку, ведущую в город, одинокую фигуру пастуха с овцами вдалеке и... дымок, поднимающийся из-за поворота тропы, всего в паре сотен метров от них.

— Смотрите! — указала она. — Дым. Значит, там кто-то есть. Может, это и есть его мастерская?

— Чья? — уточнил Ужастик.

— Ну, знаешь... Да Винчи! — Сиф уже была полна энту-

зиазма. — Пошли!

Она схватила Футю, который снова был просто скейтом, и побежала по тропинке, даже не дожидаясь согласия друзей. Моня, крихтя, полетел за ней, а Ужастик пополз следом, стараясь не запутаться в собственной шапке на колючих кустах.

За поворотом действительно оказалась небольшая каменная постройка, больше похожая на сарай или мастерскую. Дверь была приоткрыта, и из неё валил едкий, но приятный дымок — пахло жжёным деревом, маслом и чем-то химическим. Оттуда же доносились звуки — негромкое бормотание, стук молотка и скрип пера по бумаге.

Сердце Сиф забилося чаще. Она крадучись подобралась к двери и заглянула внутрь.

В просторном, залитом вечерним светом помещении царил творческий хаос. Повсюду стояли мольберты с начатыми картинами, валялись свитки чертежей, лежали странные механизмы из дерева и металла. На большом столе в беспорядке были разбросаны кисти, горшки с красками, куски горных пород, засушенные растения и даже скелет небольшой птицы.

А в центре этого хаоса, спиной к двери, стоял человек. Он

был высокого роста, одет в простую, испачканную красками одежду. Его длинные волосы, цвета спелого каштана, были собраны в небрежный пучок. Он что-то яростно растирал в ступке, что-то помешивал в маленькой жаровне и при этом что-то напевал себе под нос.

Сиф обернулась к друзьям, которые подошли сзади, и прошептала:

— Это он! Тот самый! Леонардо!

— Он? — прошипел Ужастик. — А чем он занимается? Это не похоже на рисование.

— Может, он колдует? — с надеждой спросил Моня. — Может, он сейчас приготовит обед из того, что растирает? Я бы не отказался.

В этот момент человек обернулся. Его лицо не было похоже на портреты из учебников — оно было живее, моложе, с пронзительным, цепким взглядом светлых глаз. Он увидел трёх невероятных существ в своей двери: черепаху со скейтом, ворона и ужа в шапочке. Но вместо того чтобы испугаться или удивиться, он лишь приподнял одну бровь и улыбнулся доброй, немного усталой улыбкой.

— А! — произнёс он на мелодичном итальянском наречии. — Новые модели? И такие необычные! Добро пожало-

вать в мою скромную боттегу. Проходите, не стесняйтесь. Как раз экспериментирую с новыми связующими для красок. Смола лиственницы... интересный, но капризный материал.

Команда СМУФ переглянулась. Их план «действовать осторожно» рухнул в первую же секунду. Великий Леонардо да Винчи не только не удивился их появлению, но и уже был готов к ним присоединиться.

Приключение началось.

Глава 2. Мастерская гения

Леонардо да Винчи отложил ступку с пахнущей смолой массой и вытер руки о тряпицу, висевшую на поясе. Его взгляд скользил по гостям с неподдельным, живым интересом учёного, столкнувшегося с новым, неизученным феноменом.

— Вы, должно быть, издалека, — заключил он, подходя ближе. — У тебя, юная синьорина черепаха, на панцире следы породы, которую я не видел в наших тосканских горах. А твоё оперение, синьор ворон, отливает металлом, незнакомым нашим ювелирам. И твоё чешуё, синьор... э-э-э... змей? — он на мгновение запнулся, глядя на Ужастика, — ...имеет любопытный голубоватый оттенок. Вы из северных стран? С Востока?

Сиф, оправившись от первого шока, сделала шаг вперёд. Она решила, что лучшая тактика — прямота.

— Мы из будущего, мессэр Леонардо! Из Забайкалья! Это очень далеко. И мы пришли к вам по очень важному делу.

Леонардо не моргнул глазом. Он лишь кивнул, словно слышал нечто само собой разумеющееся.

— Будущее... — протянул он задумчиво. — Интересно. А Забайкалье... это где-то поблизости... Ближе к землям ве-

ликого хана? Я слышал рассказы купцов о бескрайних землях на Востоке. — Он подошёл к столу, отыскал среди хаоса чистый лист бумаги и остро заточенный кусок угля. — Вы не против? Я бы хотел зарисовать ваши силуэты. Позже изучу анатомию подробнее. Для будущих работ.

Монетка фыркнул, но был настолько ошеломлён спокойной реакцией мастера, что даже забыл поворчать.

— Он... он нас сейчас зарисовывать будет? — прошипел Ужастик, пытаясь принять более величественную позу. — А я готов! Только скажите, как лучше повернуться? Может, показать профиль?

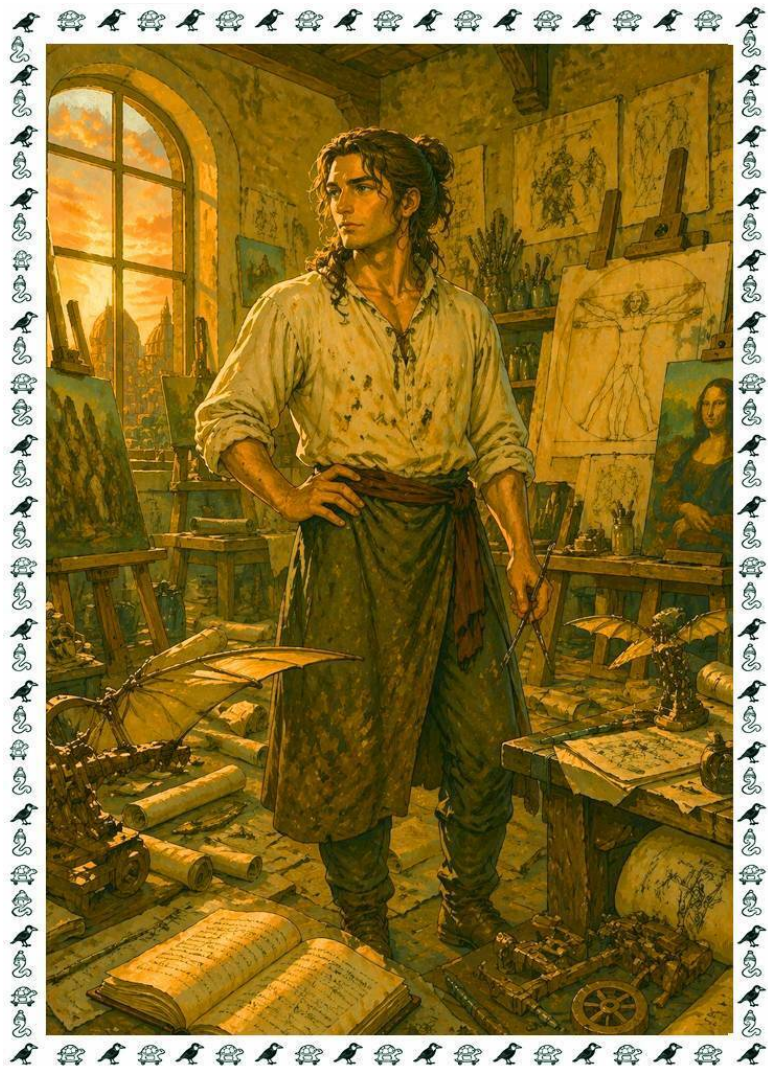
Леонардо уже быстрыми, точными движениями набрасывал на бумаге их изображения.

— Будущее, — повторил он, не отрываясь от работы. — И что привело вас в мою скромную мастерскую? Вам что-то от меня нужно? Или вы просто наблюдатели из грядущих веков?

— Нам нужна ваша помощь, мессэр, — сказала Сиф, чувствуя, что разговор наконец-то выходит на нужную колею. — В нашем времени кто-то подделывает великие произведения искусства. Выдаёт свои копии за настоящие шедевры. Недавно была обнаружена подделка работы Вермеера.

Леонардо на секунду оторвался от рисунка.

— Подделывают? — переспросил он, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая нота удивления, смешанная с любопытством. — Любопытно... Зачем? Для славы? Для денег?

— В основном для денег, — ответила Сиф. — Это большой и грязный бизнес.

— Вене, хорошо... — Леонардо отложил уголь и внимательно посмотрел на гостей. Его взгляд стал серьёзным. — Искусство... это не бизнес, синьорина. Это дыхание. Это способ беседовать с Богом и с природой. Подделка... — он поморщился, словно почувствовал неприятный запах, — ... это не просто обман. Это кража этого дыхания. Это пустое место, где должна быть душа. Я не одобряю.

Он подошёл к одному из мольбертов, на котором стоял незаконченный портрет молодой женщины с загадочной, едва уловимой улыбкой.

— Вот... Джоконда. Я пишу её уже несколько лет. Я пытаюсь уловить не просто её черты, а самую суть её мысли, её внутренний свет, её образ, который хранит свою тайну и рассказывает о ней одновременно. Можно скопировать каждую трещинку на доске, каждый мазок кисти. Но нельзя скопировать эту дымку. Это моя беседа с Монной Лизой. Её копия будет лишь пустыми словами, сказанными в пустоту.

Команда СМУФ заворуженно слушала. Даже Монетка

притих, впечатлённый словами мастера.

— Но как тогда отличить подлинное от подделки, фейка?
— спросила Сиф. — Как эксперты в наше время могут быть уверены?

Леонардо улыбнулся, и его глаза блеснули.

— Наука! Наука, юная синьорина! Искусство и наука — это не два врага. Это два крыла одной птицы. Одно без другого — лишь жалкая попытка взлететь. Я считаю науку высшим искусством, а искусство — самой точной наукой. Чтобы понять картину, нужно понять, как она сделана. Из чего краски, какого дерева основа, как ложился мазок... Всё это можно изучить, измерить, понять. Подделка всегда выдаст себя на уровне науки. В ней не будет гармонии материалов, ведь «поддельщик» не знает истинных секретов старых мастеров. Он знает только внешнюю форму.

Он снова подошёл к своему столу и взял в руки один из горшочков с густой, маслянистой массой.

— Вот, например, краски. Многие думают, что всё дело в пигменте. Принёс цветную землю, растёр — вот и краска. Но это не так. Секрет долговечности, яркости, глубины цвета — в связующем. В том, чем ты растираешь свой пигмент.

Я экспериментирую много лет. Я пробовал яичный желток, масло ореха, льна, мака... смолы разные, даже... — он понизил голос до конспиративного шёпота, — ...некоторые секретные ингредиенты, о которых не пишут в трактатах.

Сиф переглянулась с друзьями. Это был их шанс.

— Мессэр Леонардо, — начала она осторожно. — А если бы вы могли передать этот секрет... этот рецепт долговечных красок... художникам будущего? Чтобы они могли творить так же вечно, как вы? И чтобы эксперты могли по этому секретному ингредиенту узнавать ваши настоящие работы?

Леонардо замер. Он смотрел на черепаху, на ворона, на ужа, и в его глазах загорелся тот самый огонь познания, который двигал им всю жизнь.

— Передать секрет... будущему... — прошептал он. — Идея эта превосходна! Чтобы мои краски говорили с людьми через столетия! Чтобы они стали... меткой подлинности! Да! Это прекрасно! Это и есть единение науки и искусства!

Он схватил со стола чистый пергамент и начал быстро и размашисто писать, что-то бормоча себе под нос и делая быстрые вычисления на полях.

— Итак... основа... масло грецкого ореха, выдержанное на солнце ровно сорок дней... не больше, не меньше... затем... добавление очищенной смолы лиственницы... но важ-

но не перегреть... а вот секрет... — он оглянулся и снова понизил голос, — ...небольшая доля порошка из определённого вида раковин, которые водятся только в одном ручье поблизости. Они придают краске невероятную прочность и... особое свечение под определённым углом света. Никто об этом не знает. Никто!

Он закончил писать и с торжествующим видом протянул пергамент Сиф.

— Вот! Рецепт Леонардо да Винчи! Передайте его будущему. Пусть великие мастера грядущих эпох творят вечно! И пусть с помощью этого знания ваши... эксперты... смогут отличить истинное дыхание искусства от бездушной подделки!

Сиф с благоговением взяла хрупкий, испещрённый красивым почерком листок. Она чувствовала, что держит в руках не просто рецепт, а частицу души гения.

— Благодарю, спасибо, мессэр! — прошептала она. — Мы обещаем, что он попадёт в нужные руки.

В этот момент сзади раздался тревожный щелчок, а затем настойчивое гудение. Все обернулись. Футя, прислонённый к стене, начал вибрировать. Пластины его хроноблока замигали тревожным красным светом.

— О, нет! — воскликнул Ужастик. — Футя снова каприз-

ничает!

— Кажется, наш... экипаж... даёт сбои, — пояснил Моня, качая головой. — Пора бы уже привыкнуть. Вечный двигатель, а ломается как дешёвая игрушка.

Леонардо с огромным интересом подошёл к скейту.

— Замечательно... Это очень интересно! — прошептал он, изучая устройство. — Какие шестерни... какой механизм... это же... — Он потянулся было рукой, чтобы потрогать, но Сиф вежливо остановила его.

— Это хроноблок, мессэр. Он позволяет нам путешествовать во времени. Но он ещё... э-э-э... не совсем доработан.

— Путешествовать во времени! — глаза Леонардо загорелись с новой силой. — Невероятно! Я тоже мечтал... у меня есть чертежи... — Он схватил со стола очередной свиток и начал его разворачивать, показывая сложные схемы с пружинами и маховиками. — Смотрите! Я предполагал, что если раскрутить вихрь достаточно сильно...

Гудение Фути стало настойчивее. Красный свет замигал чаще.

— Нам действительно пора, мессэр Леонардо, — сказала Сиф, с сожалением глядя на чертежи. — Но мы никогда не забудем вашу щедрость и вашу мудрость.

Леонардо опустил чертёж. На его лице появилась лёгкая грусть, но затем она сменилась всё той же любознательной улыбкой.

— Хорошо. Я понимаю. Время никого не ждёт. Даже путешественников во времени. — Он сделал шаг назад. — Счастливого пути! И помните: искусство и наука — одно целое. Не позволяйте никому разорвать их на части.

Сиф, Моня и Ужастик забрались на Футю. Сиф встала в свою фирменную стойку.

— Ещё раз спасибо, мессэр! Прощайте!

— Увидимся! — крикнул им вслед Леонардо. — И передайте привет будущему от старого Леонардо!

Он помахал им рукой, и в этот момент лабораторию снова заполнил ослепительный свет. Вихрь времени подхватил их и понёс сквозь века, оставив позади запах красок, оливковых деревьев и гения, который навсегда изменил мир.

Они летели назад, в своё время, держа в руках бесценный дар — секрет, который должен был помочь им поймать преступника и сохранить искусство для будущих поколений.

Глава 3. Секрет красок

Вихрь времени выплюнул их обратно в лабораторию с таким размахом, будто торопился на следующее, более интересное назначение. Приземление получилось стремительным и не слишком изящным. Сиф, державшаяся за Футю с смертельной хваткой, отлетела в сторону и кувыркком приземлилась в мягкое кресло для посетителей. Монетка, издав пронзительное «кар-кар-улёт!», врезался в стеллаж с пробирками, которые зазвенели тревожным, но, к счастью, не разбивающимся хором. Ужастик, летевший отдельным, хаотичным клубком, шлёпнулся прямым в чашу с фруктами на столе Энштейнища и утонул в бананах.

На секунду воцарилась тишина, нарушаемая лишь затихающим гудением Фути и тяжёлым дыханием команды.

— Ну что, — первым нарушил молчание Монетка, высвобождая крыло из-под резиновой пробки. — Добро пожаловать домой. Где, как я погляжу, нас никто не ждал с горячим ужином. Какой сюрприз.

Сиф отряхнулась и спрыгнула с кресла. Первым делом она посмотрела на свою лапку. Зажатый в ней пергамент Леонардо был цел, лишь чуть помят по краям. Она вздохнула с

облегчением.

— Мы сделали это! Мы вернулись! И мы принесли это!
— она торжествующе подняла листок.

В этот момент воздух в лаборатории снова затрепетал, и перед ними материализовались две знакомые голографические фигуры. Алиса выглядела бледной и измученной, но её глаза горели надеждой. Урсула, напротив, прыгала на месте от нетерпения, едва сдерживаясь, чтобы не пронзить взглядом пергамент.

— Вы живы! — выдохнула Алиса. — Связь прервалась так внезапно... Мы боялись самого худшего! Что случилось? Вы видели его? Леонардо?

— Видели! — хором ответили Сиф и Ужастик, наконец выбравшийся из банановой западни. — Он такой... удивительный!

— И он накормил нас? — уточнил Монетка, зябко ёрзая перьями. — Нет, конечно же нет. Почему я вообще спрашиваю? В прошлом, кажется, понятия не имеют о порционных тортиках с кремом.

Сиф вручила пергамент Алисе. Та взяла его дрожащими руками. Урсула прильнула к сестре, стараясь разглядеть старинные письма.

— Он... он действительно дал вам рецепт, — прошептала Алиса, и её голос дрогнул. — Леонардо да Винчи... его

собственный секрет красок. Это невероятно.

— Он сказал, что искусство и наука — это два крыла одной птицы, — с важным видом процитировала Сиф. — И что подделка — это кража дыхания.

— И что нужно брать масло именно грецкого ореха и выдерживать его сорок дней на солнце! — добавил Ужастик. — И ещё какой-то секретный ингредиент! Ракушки из ручья рядом с Винчи!

В этот момент из-за спины Алисы появилась ещё одна голограмма — учёный енот Энштейнище. Он был в своём рабочем колпаке, перепачканном чем-то фиолетовым, и нервно теребил усики.

— Ракушки? Или, точнее, моллюски! — воскликнул он. — Важный запоминающийся биоминеральный компонент! Я так и знал! Он мог влиять на преломление света и кристаллическую структуру связующего! Но... — его лицо внезапно помрачнело, — ...это же и есть проблема.

Все взгляды устремились на него.

— Какая проблема? — насторожилась Сиф.

— Проблема, дорогая моя черепаха, в том, что этот рецепт слишком... совершенен, — объяснил Энштейнище, принимаясь расхаживать по голографическому пространству. — Если мы передадим его художникам будущего в исходном виде, то каждая картина, написанная по нему, бу-

дет столь же долговечна и... увы, столь же неотличима от оригинала Леонардо. Мы не решим проблему подделок. Мы её усугубим! Мошенники получают в руки идеальный инструмент!

В лаборатории повисло тягостное молчание. Радостные лица помрачнели. Монетка угрюмо ковырял клювом пол.

— То есть... мы зря рисковали? — тихо спросила Урсула, и её голосок дрогнул от разочарования.

— Вовсе нет! — Энштейнище вдруг остановился и драматично указал вверх своим инструментом. — Мы совершили великое открытие! А теперь... мы его модифицируем! Мы внедрим в этот рецепт нашу собственную, уникальную метку! Невидимый для глаза, но легко обнаружимый для современной аппаратуры компонент! Своего рода «водяной знак» на молекулярном уровне!

Идея витала в воздухе, и Алиса подхватила её первой. Её глаза снова загорелись.

— Да! Мы можем заменить тот самый биоминеральный компонент... ракушки... на синтетический аналог! На материал, которого не существовало в природе до XX века! Тогда эксперты, проверяя картину, будут видеть: если в краске есть наш маркер — это современная подделка, сделанная по украденному рецепту. Если его нет — это либо подлинник, либо подделка, сделанная по другим технологиям, и её будет

легче выявить!

Энштейнище ликовал.

— Именно! Браво, Алиса! Мы внедрим в рецепт... о, я знаю! — Он схватился за голову. — Наночастицы редко-земельного металла, легированные... нет, лучше... метастабильный изотоп с крайне низким периодом полураспада, который...

— Энштейнище, — мягко остановила его Алиса. — Давай что-нибудь попроще. Чтобы можно было легко проверить с помощью портативного спектрометра. Например, соединение на основе иттрия. Оно даст чёткий пик на спектрограмме.

Енот немного остыл, но продолжал нервно подрагивать от возбуждения.

— Хм... иттрий... Да, практично. Не поэтично, но практично. Одобряю!

— Подождите, — вмешалась Сиф. — Но мы же должны передать этот рецепт другим художникам. Чтобы они им пользовались. Если мы его изменим, их краски тоже будут помечены. Они все будут выглядеть как подделки!

— Нет, — уверенно сказала Алиса. — Мы не будем менять основной рецепт. Мы просто добавим в него наш маркер, когда будем передавать его мошенникам. Мы создадим для них специальную, «усовершенствованную» версию. Та-

кую же стойкую и прекрасную, но с секретной меткой внутри.

План начал обретать ясные, пусть и дерзкие очертания.

— Но как мы передадим его именно мошенникам? — спросил Ужастик, сбивая с себя банановую кожуру. — Мы же не знаем, кто они!

— А вот это, — сказал Энштейнище, таинственно поднимая палец, — и есть следующий этап нашего великого исследования! Вы посетите других великих мастеров. Передадите им подлинный рецепт Леонардо, без нашей метки. Пусть их искусство сияет в веках незапятнанным. А параллельно... мы выманит фальсификаторов. Мы создадим легенду. Слух о том, что существует утерянный рецепт гения, дающий невероятные результаты. И что этот рецепт можно раздобыть. Они сами выйдут на него. И сами возьмут ту самую, помеченную версию.

Монетка, наконец, оторвался от изучения пола.

— Позвольте уточнить. То есть нам опять придётся мотаться по всем этим пыльным столетиям, раздавая рецепты направо и налево? — спросил он с плохо скрываемой тоской. — А когда же, собственно, обед? Или я должен питаться историческими знаниями? Они такие пресные.

— Ты прав, Монетка, — неожиданно согласилась с ним Алиса. — Сначала — подзаправка. Урсула, будь добра.

Девочка радостно кивнула и куда-то умчалась, чтобы через минуту вернуться с подносом, ломящимся от бутербродов, фруктов и целой тарелки сверкающих желеек. Моня взглянул на это изобилие, и его воронье сердце дрогнуло.

— Ну, если так... — пробормотал он, уже устремляясь к еде. — ...то я, пожалуй, готов выслушать этот безумный план подробнее.

Пока команда подкреплялась, Алиса и Энштейнище склонились над пергаментом. Голограмма енота проецировала прямо на древнюю бумагу сложные химические формулы и диаграммы.

— Итак, — бормотал Энштейнище, — мы оставляем основу: масло ореха, выдержанное на солнце... смолу лиственницы... но вместо этих архаичных раковин... — он с отвращением махнул лапкой, — ...внедряем синтезированный комплекс иттрия и стронция. При облучении ультрафиолетом он будет давать характерное зеленоватое свечение. Идиоматично и легко обнаруживается!

— И главное, — добавила Алиса, — этот комплекс абсо-

лютно инертен. Он не повлияет на цвет, текстуру или долговечность краски. Он будет просто молча ждать своего часа в толще красочного слоя.

Работа кипела. Сиф, закончив с бутербродом, подошла к Футе. Скейт-трансформер потихоньку остывал после прыжка. Его корпус был чуть тёплым, а хроноблок издавал ровное, спокойное гудение.

— Ну как ты, дружище? — прошептала она, поглаживая гладкую поверхность. — Готов к новым подвигам?

В ответ Футя лишь тихо щёлкнул, будто подмигивая ей.

Через полчаса работа была закончена. Рядом с подлинным пергаментом Леонардо лежал его точная, но неполная копия, сделанная на современной бумаге состаренных тонов. В ней был опущен самый сложный этап — обработка смолы, — а вместо раковин был вписан таинственный «секретный ингредиент X», описанный крайне туманно. И только в самом конце, мелким шрифтом, была добавлена сноска: «... для активации стойкости требуется добавить катализатор — комплекс Y-S, рецепт которого хранится в отдельной капсуле».

— Капсула? — удивилась Сиф, разглядывая фальшивку.

— Это для антуража, дорогая моя! — пояснил Энштейнице. — Чтобы было похоже на настоящий шпионский триллер. Мошенники обожают антураж. Это придаёт их ремеслу налёт романтики. А капсулу... капсулу мы им подбросим позже. В ней и будет наш маркер.

План был готов. Теперь предстояло самое сложное — воплотить его в жизнь. Нужно было вернуться в прошлое и посетить других художников. Первым в списке стоял Вермеер. Тот самый, чья подделанная картина и стала причиной всего этого безумия.

— Команда, — обратилась Алиса к друзьям. — Вы готовы? Вам предстоит отправиться в Делфт, Голландия, XVII век. Найдите Яна Вермеера. Передайте ему подлинный рецепт Леонардо. Расспросите его о подделках. И... будьте осторожны. Эпоха не самая спокойная.

— Голландия? — оживился Монетка, проглотив последнюю «желешку». — А там, случаем, нет... алмазов? Или хоть каких-нибудь блестящих гульденов? Я просто справляюсь для общего развития.

— Там есть сыр, — улыбнулась Урсула. — Очень большой сыр.

— Сыр... — повторил Моня без особого восторга. — Ну, уже что-то.

Сиф забралась на Футю. Ужастик обвился вокруг её шеи. Монетка устроился на задней части скейта, крепко ухватившись за специальный ремешок.

— Лаборатория, — сказала Сиф, глядя на голограммы Алисы и Энштейнища. — Мы готовы к запуску.

Энштейнище склонился над своим голографическим пультом.

— Настраиваю координаты... Делфт... примерно 1665 год от Рождества Христова... — он что-то пробормотал, поворачивая виртуальные регуляторы. — Внимание, хроно-блок ещё не полностью стабилизировался после последнего прыжка. Возможны... небольшие отклонения.

— Отклонения? — насторожился Монетка. — Это что опять значит? Нас швырнёт в помой вместо сыра?

— В лучшем случае — небольшая турбулентность, — успокоил его енот. — В худшем... незначительная погрешность в пару-тройку лет. Ничего страшного! Готовы? Поехали!

Он нажал на кнопку. На этот раз переход был жёстче. Лабораторию закрутило в спирали света и тени, послышался нарастающий гул, похожий на вой ветра в трубе. Футя задро-

жал у Сиф под ногами.

— Держитесь крепче! — крикнула она, чувствуя, как её отрывает от скейта.

Их понесло по временному тоннелю, но что-то было не так. Вместо плавного скольжения их швыряло из стороны в сторону, как скорлупку в бурном море. Голографические экраны вокруг мигали аварийными сигналами.

— Энштейнище! — крикнула Алиса. — Показатели зашкаливают!

— Вижу! — в голосе учёного енота послышалась паника. — Происходит несанкционированный сброс энергии! Кто-то... что-то перегружает систему!

В этот момент из хаоса света и звука перед ними возникло ещё одно голографическое изображение — маленькое, мигающее, нестабильное. Это была Урсула. Она что-то кричала, но её голос заглушался рёвом временной бури.

— ...сестра... кошка... запрыгнула на... пульт... нажала... — обрывки фраз долетали до них.

— Кошка?! — взвыл Монетка. — Меня губит кошка? Это вообще законно?

Голограмма Урсулы пропала. Буря усиливалась. Их бросало так, что Сиф едва удерживала равновесие.

— Стабилизирую! — кричал Энштейнище, его голограмма мелькала, как плохая связь. — Пытаюсь перенаправить мощностъ! Но вам придётся прыгать вручную! Видите вспышку? Прыгайте в неё! Это точка выхода! Сейчас!

Впереди, в калейдоскопе времён, действительно появилось яркое белое пятно. Сиф, не раздумывая, направила туда Футю.

— Прыгаем!

Они врезались во вспышку. Раздался оглушительный хлопок, и наступила тишина. И темнота. А потом их обдало волной запахов. Сырость. Кислое пиво. Дым. Резкий запах ено-та и... что-то ещё. Что-то знакомое, но неуловимое.

Свет медленно зажёгся. Они сидели на чём-то мягком и немного колючем. Сиф первой открыла глаза.

Они сидели посреди огромной, неухоженной кучи... сена. Перед ними возвышался фасад большого каменного здания с широкими воротами. Откуда-то доносилось ржание лошадей, мычание коров и громкие голоса людей. Воздух был холодным и влажным.

— Где мы? — прошипел Ужастик, вылезая из сена. — Это Голландия? Пахнет не сыром, а навозом.

Монетка, отряхиваясь, окинул взглядом окрестности и

ахнул. Но не от ужаса, а от восторга.

— О... — прошептал он. — О-о-о...

Его взгляд приковали к себе не окружающие виды, а то, что блестело у него прямо под ногами. Среди соломы валялась старая, потрёпанная, но самая настоящая серебряная монета.

— Блестяшка! — вскрикнул он, набрасываясь на неё и зажимая в клюве. — Моя! Прекрасная! Я прощаю всех кошек на свете! Я прощаю всё!

Сиф слезла с кучи сена и огляделась. Они были на заднем дворе какой-то постоянной конюшни или трактира. Ничего похожего на тихие, чистые улицы Делфта, которые она представляла.

— Кажется, — сказала она, подбирая Футю, — мы приземлились не совсем там, где планировали.

В этот момент из-за угла слышались тяжёлые шаги и грубый мужской голос:

— ...и чтобы эти бочки были переставлены до вечера, слышишь, Ян? А то хозяин опять будет ворчать!

Вслед за голосом из-за угла вышел высокий, худощавый парень в простой рабочей одежде, весь перепачканный чем-то тёмным. Он вёл под уздцы крупного гнедого коня.

Увидев перед собой невесту откуда взявшихся черепаху со скейтом, ворона с монетой в клюве и ужа в шапке, он остановился как вкопанный. Его глаза расширились от изумления.

Но Сиф смотрела не на него. Её взгляд был прикован к тому, чем был перепачкан парень. К густой, маслянистой краске, засохшей у него на руках и фартуке.

И тут до неё дошло. Этот запах. Этот знакомый, но неуловимый запах, витавший в воздухе. Это был запах льняного масла и свежих красок.

Парень, оправившись от шока, не испугался. На его лице появилось скорее любопытство.

— Доброе утро, — неуверенно произнёс он на голландском. — Вы... вы откуда? Вы не здешние.

Сиф сделала шаг вперёд. У неё было предчувствие.

— Мы ищем художника, — сказала она. — Яна Вермеера.

Парень удивлённо улыбнулся и потёр испачканный краской подбородок.

— Vermeer? — переспросил он. — Но это же я. Ян Вермеер.

Команда СМУФ замерла. Они смотрели на молодого, уставшего человека в рабочей одежде, который пах лошадыми и краской. Это был не знаменитый мастер в бархатном камзоле в своей светлой мастерской. Это был простой работник, который, судя по всему, только что занимался тяжёлым трудом.

Их прыжок во времени действительно сбился. Они попали не в зенит славы Вермеера, а в самое его начало. В то время, когда будущий гений был вынужден работать где придётся, чтобы прокормить семью и иметь возможность писать свои светлые, тихие, гениальные полотна.

Приключение продолжалось. И оно обещало быть совсем не таким, каким они его планировали.

Глава 4. Возвращение и неожиданность

Молодой Ян Вермеер смотрел на невероятных гостей с таким выражением лица, будто перед ним явились не то ангелы, не то домовые, но в целом явление было скорее занятным, чем пугающим. Он отпустил поводья коня, который тут же принялся мирно жевать сено, не обращая ни малейшего внимания на странную компанию.

— Вы... ищете меня? — переспросил он, и в его голосе сквозило лёгкое недоумение. — Но... зачем? И кто вы такие? Ваша... э-э-э... колесница весьма необычна. — Он указал на Футю, который Сиф держала в лапах.

Сиф, оправившись от первого шока, поняла, что нужно действовать быстро и осторожно. Они уже обладали некоторым опытом общения с гениями прошлого.

— Мы... посланцы, — сказала она, выбирая слова. — Мы путешественники. И мы принесли вам кое-что очень важное. Дар от другого мастера. От Леонардо да Винчи.

Имя Леонардо, похоже, было знакомо даже молодому Вермееру. Его глаза расширились.

— Да Винчи? Итальянский мастер? — прошептал он с благоговением. — Но он же... он жил давно. Очень давно.

— Время для нас не преграда, — многозначительно произнесла Сиф, и за её спиной Монетка фыркнул.

— О да, не преграда, — пробормотал он себе под крыло. — Особенно когда швыряет тебя с размаху в кучу навоза. Очень не преграда.

Вермеер, тем временем, казалось, забыл об усталости. Его глаза загорелись тем самым огнём, который Сиф видела у Леонардо, — огнём любознательности и страсти к искусству.

— Что же это за дар? — спросил он, делая шаг вперёд.

Сиф осторожно развернула подлинный пергамент Леонардо. Вермеер взял его с трепетом, словно это была священная реликвия. Он пробежал глазами по строчкам, что-то бормоча себе под нос на голландском: «Ореховое масло... смола... сорок дней... удивительно!»

— Этот рецепт... он сделает краски... живыми? — поднял он на Сиф сияющий взгляд. — Они не будут тускнеть? Не будут трескаться?

— Именно так, — кивнула Сиф. — Леонардо хотел, чтобы искусство будущего сияло вечно. Чтобы им могли любоваться многие поколения.

Вермеер прижал пергамент к груди. На его усталом лице

появилась улыбка, которая преобразила его, сделав моложе и беззаботнее.

— Спасибо вам огромное! Вы не представляете... — он осекся и взмахнул рукой, указывая на конюшню и трактир. — Сейчас тяжёлые времена. Заказов мало. Иногда приходится делать не только свою работу... — он показал на краску на своих руках. — ...я иногда подрабатываю — грунтовую холсты, помогаю другим художникам... делаю... — он запнулся и покраснел, — ...кое-что ещё. Чтобы купить краски. Хорошие краски — они дорогие. Очень. А писать хочется... свет. Такой, как там, внутри. — Он ткнул пальцем себе в грудь.

Сиф почувствовала комок в горле. Они стояли перед великим художником, который был вынужден мыть полы и грунтовать чужие холсты, чтобы иметь возможность творить.

— Мессэр Вермеер, — начала она осторожно. — А что вы думаете о... подделках? Если бы кто-то стал копировать ваши работы и выдавать их за подлинные?

Лицо Вермеера омрачилось. Он тяжело вздохнул.

— Фальшивомонетничество, — сказал он с отвращением. — Это воровство. Не денег... а души. Ведь в каждую картину художник вкладывает частицу себя. Свой свет, своё виде-

ние. Украсть это... это хуже, чем украсть кошелёк. Это словно украсть чей-то взгляд на мир. Я не уважаю таких людей.

Его слова эхом отзывались в том, что говорил Леонардо. Искусство было для них не товаром, а душой.

В этот момент из-за угла снова слышались шаги и окрик:

— Ян! Ты где? Бочки не переставлены! Хозяин недоволен!

Вермеер вздрогнул и судорожно сунул пергамент за пазуху.

— Мне нужно идти, — прошептал он. — И вам лучше уйти. Здесь любопытные глаза. Спасибо вам ещё раз. Вы... вы подарили мне надежду.

Он кивнул им и, подхватив поводья лошади, быстро зашагал прочь, растворившись в тени большого сарая.

Команда СМУФ осталась стоять среди сена, переваривая встречу.

— Ну что, — нарушил молчание Монетка. — Подарок вручили. Можем теперь домой? У меня тут новая блестяшка есть, я хочу её изучить в спокойной обстановке. И, желательно, с добавкой к обеду.

— Да, — сказала Сиф, оглядываясь. — Пора. Но как мы вернёмся? Футя ещё с прошлого раза не остыл.

Как будто в ответ на её слова, воздух перед ними снова затрепетал. Но на этот раз голограмма была слабой, мигающей, полной помех. Проступило искажённое лицо Энштейнища.

— Команда... кшшш... приём! Связь... кшшш... нестабильна! Кошка... кшшш... действительно нажала... кшшш... на аварийный сброс! Вам нужно... кшшш... вернуться в ту же точку, где приземлились! Там остаточный... кшшш... временной след! Активируйте хроноблок... кшшш... он должен сработать как бумеранг! Повторяю: в той же точке!

Изображение пропало.

— Бумеранг? — возмутился Монетка. — А почему сразу не йо-йо? Или всё-таки не бумеранг? Я не игрушка, чтобы меня швырять туда-сюда!

Но спорить было бесполезно. Они кое-как взобрались на Футю прямо на куче сена. Сиф нащупала на панели хроноблока кнопку ручной активации.

— Держитесь! — крикнула она и нажала на неё.

Мир снова сполз в кашу из света и звука. На этот раз всё было ещё хуже. Их мотало и крутило, как в стиральной машине. Сиф едва удерживала управление. В ушах стоял оглу-

шительный рёв.

— Никогда больше... — выл Монетка. — Никогда больше не полечу никуда без письменного подтверждения о наличии завтрака!

Их выбросило обратно в лабораторию с такой силой, что они врезались в ту же самую грудку мягких кресел. На этот раз приземление было ещё менее изящным.

Когда мир перестал плыть перед глазами, Сиф увидела, что их ждут. Алиса и Урсула стояли рядом, их лица были бледны от волнения. Рядом, держа хвост трубой и мурлыкая, сидела пушистая серая кошка — виновница всех их бед.

— Вы вернулись! — бросилась к ним Урсула. — Мы так испугались! Мурка запрыгнула на пульт, когда я отвлеклась!

— Ах ты маленький вредитель! — прошипел Монетка в сторону кошки, но та лишь лениво зевнула, показав розовый язычок.

Алиса помогла друзьям подняться.

— Что случилось? Вы передали рецепт? Вы видели Вермеера?

— Видели, — отряхиваясь, ответила Сиф. — Но мы попали не в тот момент. Он был ещё молодым, бедным... работал в трактире.

— Координаты сбились из-за кошачьего вмешательства, — голографический Энштейнище, уже восстановив стабильность, сокрушённо разводил лапами. — Но, кажется, модернизация прошла успешно! Хроноблок выдержал обратный прыжок с остаточной энергией! Это же прорыв!

— Прорыв, — угрюмо пробормотал Монетка, отыскивая свою монету, которую выронил при приземлении. — У меня скоро прорыв в сознании от всех этих прорывов.

— Но вы передали ему подлинный рецепт? — уточнила Алиса.

Сиф кивнула.

— Да. И он был очень благодарен. И ещё... он сказал, что подделка — это воровство души.

Алиса улыбнулась.

— Это очень похоже на то, что говорил Леонардо. Значит, мы на правильном пути.

— Теперь, — вмешался Энштейнище, потирая лапы, — самое время для второго этапа! Модификация!

Он снова вызвал голографические проекции. Рядом с пергаментом Леонардо парила его изменённая копия.

— На основе записей Леонардо и данных о химическом составе красок XVII века я создал идеальную приманку, — с гордостью объявил он. — Рецепт, который выглядит абсо-

лютно аутентично, но содержит одно отличие — ту самую сноску о «катализаторе Y-S». Мы распространим слух о существовании этого рецепта в криминальных кругах. И когда мошенники клюнут, мы подбросим им и сам катализатор — наш маркер.

— Но как мы распространим слух? — спросил Ужастик.
— Мы же не знаем никаких криминальных кругов.

— А вот здесь, — сказала Алиса, — нам поможет кое-кто другой.

Она сделала знак Урсуле. Та подбежала к столу и принесла небольшой портрет в рамке. На фотографии был изображён улыбающийся мужчина в практичной полярной куртке, а рядом с ним — Алиса. Это был Саня, муж Алисы, известный полярник.

— Санин друг, — пояснила Алиса, указывая на фото. — Коля Дубиков. Он частный детектив, специализируется на музейных кражах и подделках. Он уже несколько лет расследует деятельность этой группы копиистов, но у него нет доказательств. Он знает все тропы и все слухи в этом мире. Именно он поможет нам запустить «утку» о рецепте.

План снова приобрёл четкость. Они были не одни в этой борьбе.

— А пока, — Энштейнище подошёл к Футе и принялся что-то настраивать на его панели, — я укрепляю хроноблок! Больше никаких кошачьих сюрпризов! Я установил па-

роль! Теперь для активации нужно ввести комбинацию... э-э-э... «СМУФ-плюс-код-доступа-из-трех-желеек»! Гениально и безопасно!

— Желеек? — оживился Монетка. — Это уже интереснее.

Внезапно раздался резкий, настойчивый звук сигнализации. Но шёл он не от приборов лаборатории. Он доносился с браслета на руке Алисы. Её лицо сразу стало серьёзным.

— Тревога из главного здания, — быстро сказала она. — Что-то случилось. Урсула, оставайся здесь.

Но было поздно. Дверь в лабораторию с шипением отъехала, и на пороге появилась высокая, худая фигура в длинном плаще и шляпе. Человек замер, осматривая комнату, его взгляд скользнул по голограммам, по странной компании животных, по скейту с мигающими лампочками. На его лице не было ни удивления, ни страха. Лишь холодная, профессиональная оценка.

— Алиса, — произнёс он низким, спокойным голосом. — Мне нужно с тобой поговорить. Срочно.

Алиса выдохнула.

— Коля. Ты как всегда вовремя. Команда, знакомьтесь. Это тот самый детектив, о котором я говорила. Коля Дубиков.

Детектив снял шляпу. Его лицо было осунувшимся и усталым, но глаза зоркими и живыми.

— Я слышал, у вас тут какие-то неприятности с выставкой, — сказал он, подходя ближе. — И, кажется, я знаю, кто за этим стоит. Но мне нужна ваша помощь. Вернее, помощь ваших... необычных друзей. — Его взгляд упал на Сиф, Монетку и Ужастика. — Дело в том, что эта банда не просто подделывает картины. Они готовятся к чему-то большому. И я почти уверен, что их следующая цель — нечто гораздо более ценное, чем одна картина Вермеера. Они ищут ключ. Ключ к совершенной подделке. И, кажется, они уже близки к тому, чтобы его найти.

В лаборатории повисла тишина, нарушаемая лишь тихим мурлыканьем кошки и гудением приборов. Новая информация меняла всё.

Их миссия только что стала гораздо сложнее и опаснее.

Глава 5. План действий

Тишина в лаборатории после слов детектива Коли Дубикова была густой и звонкой, как лёд на Байкале в двадцатиградусный мороз. Даже вечно недовольный Монетка замер, уставившись на незнакомца своим пронзительным чёрным глазом. Ужастик инстинктивно сжался в тугой узелок, стараясь стать как можно меньше и незаметнее. Только Сиф не отводила взгляда от детектива, её цепкий ум уже анализировал новые данные.

Коля Дубиков, не обращая внимания на ошеломлённую реакцию зверей, прошёл дальше в лабораторию, снял плащ и бросил его на спинку кресла. Под плащом оказалась практичная тёмная одежда, а на поясе — множество карманов и креплений, говоривших о его профессии куда красноречивее всяких слов.

— Извините за вторжение, — он кивнул Алисе и Урсуле. — Сигнализация на периметре сработала, когда я подходил. Я обошел её, но, видимо, не совсем чисто.

— Ничего, Коля, — Алиса, наконец, пришла в себя. — Мы как раз о тебе говорили. Это команда СМУФ. Сиф, Монетка, Ужастик. И их... транспортное средство, Футя.

Детектив коротко кивнул в сторону зверей, его взгляд был быстрым и оценивающим, но лишённым даже намёка на насмешку или недоверие.

— Знакомы заочно. Саня много рассказывал. Говорил, вы спасли его экспедицию на Северном полюсе от экологической катастрофы. — Он повернулся к Алисе. — Но сейчас не до воспоминаний. Дело серьёзнее, чем я думал.

Он достал из внутреннего кармана куртки тонкий планшет, коснулся экрана, и в воздухе над столом возникла голограмма — схема сети, состоящая из множества переплетающихся линий и точек, помеченных разными цветами.

— Это то, что мне удалось выяснить о группе, которую я отслеживаю. Они не просто банда «поддельщиков». Они высокопрофессиональная, международная организация. У них есть свои реставраторы, химики, искусствоведы, даже свои каналы сбыта. Они не подделывают картины на коленке. Они создают их в стерильных лабораториях, используя самые передовые технологии и... — он сделал паузу, — ...старинные методы.

— Старинные методы? — переспросила Алиса.

— Именно. Вот что меня больше всего беспокоит. Похо-

же, они давно и целенаправленно ищут утерянные секреты старых мастеров. Те самые рецепты красок, грунтов, лаков. Они выкупают старинные трактаты на чёрном рынке, нанимают историков искусства... Мои информаторы говорят, что они близки к чему-то большому. К какому-то универсальному ключу, который позволит им создавать подделки, абсолютно неотличимые от оригиналов даже при самом глубоком анализе.

Сиф подошла ближе к голограмме, изучая переплетения линий.

— И этот ключ... он похож на рецепт красок? Например, рецепт Леонардо да Винчи?

Детектив посмотрел на неё с новым интересом.

— Возможно. Откуда вы знаете?

— Мы только что вернулись от него, — просто сказала Сиф. — И он дал нам этот рецепт.

Коля Дубиков на секунду остолбенел. Он посмотрел на Алису, потом на Сиф, потом на Футя, на хроноблок которого ещё мигали лампочки.

— Вы... вы имеете в виду... того самого Леонардо да Вин-

чи? — его всегда спокойный голос впервые дал трещину.

— Того самого, — подтвердила Алиса. — Футя — это машина времени. Команда СМУФ только что посетила мастерскую Леонардо в Италии и Вермеера в Голландии. Они передали им подлинный рецепт долговечных красок. А мы здесь, в настоящем, создали его модифицированную версию — с секретным маркером. Мы планировали, что вы поможете нам подбросить его мошенникам.

Детектив медленно опустился на стул, проводя рукой по лицу.

— Машина времени... — пробормотал он. — Саня предупреждал, что у вас тут всё «не как у людей», но чтобы настолько... — Он резко поднял голову. — Так вы хотите сказать, что у вас в руках находится тот самый ключ, который ищет эта организация?

— Получается, что так, — кивнул Энштейнище, чья голограмма материализовалась рядом. — Рецепт Леонардо да Винчи, усовершенствованный моим гениальным интеллектом! С добавлением наночастиц иттрия! Они будут светиться под ультрафиолетом, как новогодняя ёлка!

Коля внимательно посмотрел на енота, потом снова на

планшет.

— Это... это меняет всё. Если они ищут именно это, то ваша приманка может сработать идеально. Но это и крайне опасно. Если они узнают, что рецепт у вас, они пойдут на всё, чтобы его заполучить. Ваша лаборатория, Алиса, может стать мишенью.

Урсула инстинктивно прижалась к сестре. Монетка нервно перебрал лапками.

— То есть, помимо голодных динозавров и вонючих коношен, нам теперь ещё и банда громил будет угрожать? — проворчал он. — Замечательно. Просто восхитительно. Я всегда мечтал о остросюжетном триллере в своей жизни.

— Не драматизируй, Моня, — сказала Сиф, но в её голосе тоже прозвучала тревога. — Мы справимся. Мы же команда СМУФ.

— Именно, — поддержал её Ужастик, стараясь выпрямиться как можно выше. — Мы — гроза мошенников! Мы — кошмар поддельщиков! Мы... ай! — Он запутался в завязках своей шапки и шлёпнулся обратно на стол.

Коля Дубиков не улыбнулся. Его лицо оставалось серьёз-

НЫМ.

— Ваша храбрость восхитительна, но не стоит недооценивать противника. Эти люди опасны. Они уже однажды продемонстрировали свою наглость, подсунув подделку на международную выставку. Они не остановятся ни перед чем.

— Тогда что мы будем делать? — спросила Алиса.

Детектив встал и снова активировал планшет. На голограмме появилось несколько фотографий картин в разных стилях.

— Ваш изначальный план верен. Нужно подбросить им модифицированный рецепт. Но делать это нужно тоньше. Они не клюнут на грубую приманку. Нужно создать легенду. Слух о том, что рецепт Леонардо не утерян. Что он сохранился в частной коллекции и будет тайно выставлен на продажу на чёрном рынке. Я могу организовать это через своих людей. — Он указал на одну из точек на схеме. — Но есть одна проблема. Чтобы слух выглядел достоверно, нужны доказательства. Нужно, чтобы рецепт «всплыл» не один, а в компании других, менее значительных, но тоже ценных артефактов. Каких-то записок, набросков, может быть, инструментов... чего-то, что подтвердит его подлинность.

— Мы можем это сделать! — воскликнула Сиф. — Мы же можем путешествовать во времени! Мы можем найти у других художников какие-то подтверждающие детали! Узнать, пользовались ли они этим рецептом! Может, у них остались какие-то записи!

— Это рискованно, — покачал головой Коля. — Каждое ваше путешествие — это шанс быть обнаруженными.

— Но это и единственный способ, — парировала Сиф. — Вы же сказали — нужны доказательства. А где ещё их взять, как не в прошлом?

Энштейнище, тем временем, что-то быстро вычислял на своём голографическом интерфейсе.

— Теоретически... это выполнимо! — выпалил он наконец. — Если мы сосредоточимся на коротких, точечных визитах! Вход и выход! Как комары! Свистнули — и назад! Мы можем посетить нескольких ключевых мастеров, которые, по нашим данным, могли быть знакомы с техникой Леонардо или могли иметь его записи! Рембрандт! Ван Дейк! Возможно, кто-то из испанцев... Веласкес!

— А ещё мы можем узнать, что они думали о подделках! — добавила Сиф. — Собрать информацию! Как настоящие детективы!

— И заодно передать им настоящий рецепт, чтобы их картины сохранились! — вставила Урсула, её глаза горели от восторга.

Коля Дубиков смотрел на них всех, и на его лице медленно проступало понимание. Он видел не просто группу странных зверей и учёных. Он видел команду. Решительную, сплочённую и, несмотря на всю абсурдность ситуации, невероятно компетентную.

— Ладно, — сдался он. — Вы меня убедили. Но с условиями. Во-первых, я обеспечиваю вашу безопасность здесь, в настоящем. Усилю охрану лаборатории, установлю дополнительные датчики. Во-вторых, вы действуете строго по плану. Никаких самодеятельности. Каждое путешествие согласовывается со мной и с Алисой. И в-третьих, — он посмотрел прямо на Сиф, — при малейшей угрозе — немедленное возвращение. Понятно?

— Понятно! — хором ответила команда.

— Тогда приступим к планированию, — сказал Коля, снова включая свой планшет. — Первым делом — выбираем цели. Кого посещаем и в каком порядке. Критерии: художник должен быть достаточно известным, чтобы его связь с секретом Леонардо выглядела правдоподобно. Он должен был работать в технике, близкой к леонардовской. И желательно, чтобы о нём сохранилось достаточно исторических данных,

чтобы мы знали, куда и когда прыгать.

— Предлагаю начать с Рембрандта, — предложила Алиса. — Он был не только гениальным художником, но и коллекционером. У него могла храниться какая-то информация. Плюс, он жил в Голландии, мы уже немного ориентируемся в той эпохе после визита к Вермееру.

— Согласен, — кивнул Коля. — Рембрандт ван Рейн. Амстердам, примерно 1642 год. Время расцвета его славы. — Он посмотрел на Сиф. — Вы готовы?

Сиф твёрдо встала на свой скейт.

— Всегда готовы! Команда, на посадку!

Монетка вздохнул, но послушно перелетел на своё место.

— Рембрандт... — пробормотал он. — Надеюсь, у него есть что-нибудь блестящее. Хотя бы золоченые рамы картин...

Ужастик, наконец распутавшись, занял позицию на шее у Сиф.

— Я готов к новым подвигам! Буду шипеть на всех подозрительных личностей!

Энштейнище уже кружил вокруг Фути, подключая какие-то портативные сканеры.

— Настраиваю хроноблок на новые координаты! Вношу

данные о голландском климате середины XVII века... Повышенная влажность... Выдаю вам непромокаемые плащи! Виртуальные, разумеется! — Он сделал пасс лапами, и на каждом из членов команды появилось лёгкое голографическое покрытие, имитирующее плащ. — И добавляю функцию экстренного возвращения! При активации вы мгновенно вернётесь назад, но будьте осторожны — обратный прыжок может быть... резким.

— Резким? — насторожился Монетка. — Это что ещё за новость?

— Ничего страшного! Просто может немного заложить уши! И вывернуть желудок наизнанку! И вызвать временную дезориентацию! Мелочи! — Энштейнище махнул лапой. — Готовы? Начинаю обратный отсчёт!

Алиса, Урсула и Коля Дубиков отошли на безопасное расстояние. Детектив с интересом наблюдал за подготовкой, стараясь не выдавать своего изумления.

— Пять... четыре... — вёл отсчёт Энштейнище.

Сиф крепче вцепилась в Футю.

— Три... два...

Монетка зажмурился.

— Один... Поехали!

Лабораторию снова заполнил ослепительный свет и оглушительный гул. Но на этот раз прыжок ощущался иначе. Бо-

лее плавно, более контролируемо, что ли. Эйнштейнище действительно поработал над стабилизацией.

Их понесло по временному тоннелю. Образы прошлого мелькали за окном реальности: лица, города, войны, произведения искусства... Всё это сливалось в единый поток истории.

— Держись, Моня! — крикнула Сиф, чувствуя, как её прижимает к скейту перегрузками.

— Я держусь! — просипел ворон. — В основном за живот, чтоб не расплескать содержимое своего желудка!

И вдруг гул стих. Свет погас. Они мягко, почти бесшумно, приземлились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.